

О ГЕНДЕРНОЙ КАРТИНЕ МИРА В «УТОПИИ» ТОМАСА МОРА

В справочной, научной, философской и иной литературе гендерные представления в «Утопии» Т. Мора нередко квалифицируют как патриархальные. Действительно ли ГКМ, нарисованная английским мыслителем, отличается от общей картины идеального общества в сторону существенно большего традиционализма и консерватизма? Чтобы аргументированно ответить на этот вопрос, посмотрим на особенности гендерной реальности, которая нарисована в «Утопии» и тесно связана с экономическими и семейно-брачными, демографическими и нравственно-политическими отношениями.

Фактически из всей структуры собственности на острове наличествует лишь общественная, тогда как частная и смешанная отсутствуют. В систему общественной собственности включаются не только вещи, но и люди. Речь идет о рабах, которые представляют собой бесправную категорию населения, обремененную тяжелой общественной трудовой повинностью. Они закованы в цепи и постоянно заняты работой. Наличие рабов в Утопии, по-видимому, обусловлено осознанием Мором низкого уровня современной ему техники производства. Рабы призваны избавить утопийцев от наиболее тяжелого и грязного труда [4].

Существование рабов в идеальном государстве явно противоречит принципам равенства, на основе которых Мор проектирует совершенный общественный строй. Впрочем, удельный вес рабов в общественном производстве на острове не слишком велик, ибо основными производителями являются полноправные граждане. Рабство в Утопии имеет специфический характер. Помимо экономической, оно выполняет функцию наказания за преступления, а также является средством трудового перевоспитания. Главным источником рабства на острове было уголовное преступление, совершаемое кем-либо из граждан.

Рабство – принудительный труд в качестве меры наказания, заменяющий смертную казнь, – Мор противопоставил жесткому уголовному законодательству XVI в. В подобной ситуации наказание рабством выглядит более гуманным актом по сравнению с реальной бесчеловечной практикой периода огораживаний в Англии. Кроме того, не следует забывать, что, во-первых, обращение с рабами в Утопии было предельно мягким, и, во-вторых, институт рабства не носил пожизненного характера. Добросовестный труд и хорошее поведение являлись реальной предпосылкой для перехода из рабского в разряд полноправных граждан утопийского сообщества.

Хозяйственно-экономическая деятельность утопийцев представляет собой дифференцированное единство городского и земледельческого (сельского) труда, где работают оба пола, причем каждые два года происходит ротация кадров. При этом в обеих сферах *женщины трудятся наравне с мужчинами*. Вовлечение женщин в общественное производство наравне с мужчинами представляется актом весьма прогрессивным, ведь именно здесь закладываются основы равноправия полов [4, с. 49].

Таким образом, в хозяйственно-экономической сфере царят вовсе не патриархальные отношения. Ибо отсутствует категория женщин, которая постоянно и пожизненно прикована к тяжелому земледельческому труду. Во-первых, через два года женщины (как и мужчины) из деревни возвращаются в город и занимаются более легким трудом. Во-вторых, повсюду (и в городе, и в деревне) труд ограничен шестичасовым рабочим днем; и за его пределами женщины, как и мужчины, вольны заниматься наукой, искусством и т. п. Похожа ли подобная организация на типично патриархальный уклад жизни? Едва ли.

С экономическим укладом утопийцев неразрывно связан **институт семьи**. Семья на острове – основная хозяйственная единица; и при ближайшем рассмотрении выглядит она

весьма необычно. Дело в том, что формируется семья не только по принципу родства. Семья утопийцев представляет собой, в значительной мере, искусственное образование, создаваемое на основе профессиональной принадлежности ее членов. Это напоминает реальный прототип – идеализированную ремесленную общину средних веков. Между тем искусственно созданный семейно-патриархальный коллектив Мора считает наиболее приемлемой формой организации труда как в ремесле, так и в земледелии [3].

Похожа ли подобная картина на привычно патриархальную? Разумеется, она *полностью не лишена* черт последней. Ибо «во главе хозяйства стоит старейший. Жены служат мужьям, дети родителям и вообще младшие – старшим» [2]. Однако даже и здесь не столько женщины служат мужчинам, сколько «младшие – старшим»! В результате, снова возникает вопрос: что преобладает при описании островной семьи: традиционализм или его нарушение?

С семейными неразрывно связаны *брачные отношения*. В чем особенности последних? Вне законных брачных уз никакие отношения недопустимы: «Если мужчина или женщина до супружества будут соединены тайной страстью, его и ее тяжко наказывают. Таким вообще запрещается супружество...» Утопийцы полагают, что если «не удерживать людей от случайного сожительства, то в супружестве редко укореняется любовь...». Причем «утопийцы довольствуются одной женой. Брак там расторгается нечасто и не иначе, чем смертью. Сурово наказывается и прелюбодеяние: рабством, а вторичное – даже смертью ...» [2, с. 232 и сл.]. Подобно женевской общине Кальвина, утопийцы не терпели винных лавок, пивных или публичных домов [1].

Подобная гендерная реальность не слишком сочетается с эпикуреизмом и гуманизмом. Во всяком случае, противоречия здесь налицо. Вместе с тем Мора обращает внимание на необходимость хотя бы элементарного взаимного «освидетельствования» женихом и невестой друг другом на предмет обнаружения каких-либо телесных недостатков, которые способны помешать счастливой семейной жизни в будущем. Женщины должны пленять исключительно своей естественной красотой и добрым нравом. Здесь никакие ухищрения косметики или моды недопустимы [2, с. 232 и сл.].

Пожалуй, можно заключить, что *брачные отношения в изображении Мора наиболее консервативны* по сравнению с рассмотренными выше. Но опять-таки суровость и аскетизм этих уз обязательны *в равной мере* для обоих полов, что никак не вписывается в концепцию патриархальности и одномерной традиционности.

Институт брака – необходимый, но не всеохватывающий институт утопийского сообщества. Дело в том, что на острове всяческой поддержкой и симпатией пользуются *неженатые*, которые не только воздерживаются от любовных утех, «но и не едят мяса. Некоторые – даже вообще никакой животной пищи. Отвергнув вовсе удовольствия земной жизни как вредные, бдением и постом жаждут они только жизни будущей...». Эти люди – настоящие «святые». В данном случае вместо позитивного идеала мы сталкиваемся с несомненным сочувствием Мора *контридеалу аскетизма*. Правда, он не является у Мора тотальным, ибо мыслитель прекрасно понимает его недостаточность для общества в целом. Неудивительно, что «другие» утопийцы не менее первых «привержены труду, но предпочитают безбрачию «супружество, не отказываясь от его утех и полагая, что они по долгу своему перед природой должны дать отечеству детей. Они не избегают никакого удовольствия: если оно не отрывает их... от труда. Они любят мясо четвероногих животных, потому что считают, что от такой пищи станут более сильными и годными для любой работы.

Утопийцы полагают, что эти люди разумнее, но те – более благочестивы» [2, с. 263-264].

От хозяйственно-трудовых и брачно-семейных далее перейдем к **военно-политической и нравственно-духовной сферам**. Поскольку постоянно существует *опасность войны*, постольку утопийцы «в назначенные дни усердно занимаются военными упражнениями; и не только мужчины, но и женщины...». Последние могут

также «сопровождать в военной службе» мужчин за границей, этому не только не препятствуют, «но даже поощряют» и «каждую из вступивших (в армию. – И.Б.) ставят в строй рядом с мужем». В битвах от женщин требуется не меньшая отвага и самоотверженность, чем от мужчин. Ибо «величайший позор видят утопийцы в том, что жена возвращается без супруга», как и в том, что «сын приходит назад, потеряв отца» [2, с. 242, 250]. Здесь представления Мора в чем-то напоминают теорию и практику Древней Спарты и также *далеко выходят за рамки патриархального Средневековья*.

Нельзя не отметить, что гуманизм в решении вопросов войны и мира Мору не удалось теоретически провести последовательно. Камнем преткновения стала *демографическая* проблема. Мыслитель понимал, что эффективная организация жизни на острове способна привести к его перенаселенности. Но это было бы совершенно недопустимо, как недопустимо и обратное. Поэтому «утопийцы согласны скорее, чтобы погибли колонии, чем чтобы ослабел какой-нибудь из островных городов» [2, с. 192].

В результате, «если ... случится, что по всему острову население разбухает сверх положенного, то ... они переселяют их на ближний материк, туда, где у местных жителей осталось много незанятой и неводеланной земли; там они основывают колонию по своим собственным законам...<...> *Отказавшихся жить по их законам утопийцы прогоняют из тех владений, которые предназначают себе сами. На сопротивлявшихся они идут войной*» [2, с. 192].

Все это, разумеется, далеко от радикального пацифизма и ортодоксального гуманизма. Мор, однако, и здесь оказался пророком. Пятьсот лет назад он предугадал реальность возникновения войн в результате противоречивых по своей направленности демографических процессов.

Пожалуй, в наибольшей степени обращают на себя внимание представления, которые связаны с возможностью женщин входить в численно небольшой и *одновременно предельно значимый слой утопийского общества*. Речь идет о том, что женщины, как и мужчины, могут быть священниками, хотя их и «выбирают реже, только вдовых и преклонного возраста». Кроме того, самые достойные из женщин являются женами священников. Между тем «никаких должностных лиц у утопийцев не почитают более, чем священников; настолько, что если они допустят какой-нибудь проступок, то они не подвластны никакому общественному суду, а их предоставляют одному только Богу и самим себе. Утопийцы полагают непозволительным касаться смертной рукой того, который, каким бы злодеем он ни был, столь особым способом посвящен Богу, словно святое пожертвование. Этот обычай им весьма легко соблюдать, оттого что священников у них весьма мало, и их выбирают с великим тщанием» [2, с. 266].

Подобные идеи, конечно же, – нечто совершенно новое для общественного сознания. Они знаменуют собой формирование гуманистических представлений, характерных для Нового, а отчасти только еще Новейшего времени. (Так, женщины-священнослужители до сих пор являются редкостью!) Разумеется, гендерные новации Мора не отличались достаточной последовательностью. Мы ничего не знаем относительно достоинств мужей у женщин-священников. В храмах именно «жены бросаются в ноги мужьям», признаваясь в тех или иных грехах и «молят их о прощении, но не наоборот» [2, с. 269]. Принимают непосредственное участие женщины и в системе государственного управления.

Высшая ценность для утопийцев – счастье, которое истолковывается в духе эпикуреизма и понимается как удовольствие (преимущественно духовного плана). Однако подлинное «...счастье заключается не во всяком удовольствии, но в честном и добропорядочном. Ибо к нему, как к высшему благу, влечет нашу природу сама добродетель...». И «нет никакой добродетели, свойственной человеку более этой». В основе этих удовольствий лежат «жизненные удобства». Утопийцы полагают, что все их «деяния, среди них даже и сами добродетели, предполагают, что в конце ожидают их удовольствие и счастье» [2, с. 210 и сл.].

Аргументация в пользу эпикурейского утопического идеала носит смешанный характер и включает в себя как антропологически-сциентистские, так и теологические доводы. Иными словами, Мор, выдвигая в качестве высшей ценности счастье в форме удовольствия, апеллирует при этом к требованиям естественной и божественной природы, человеческому и божественному разуму. В целом, важнейший смысл его аргументации – стремление отделить общественно позитивные по своему содержанию удовольствия от негативных: «наипервейшие достоинства жизни» от «нечестивых желаний», «подложных удовольствий», «нелепых утех» (типа игры в кости). Важнейший фактор для получения удовольствия – наличие хорошего здоровья. Кроме того, «первыми и самыми главными» удовольствиями утопийцы считают духовные, важнейшая часть которых «происходит из упражнений в добродетели и из сознания благой жизни» [2, с. 215 и сл.].

В целом вся организация жизни утопийцев направлена на главную цель: «насколько позволяют общественные нужды, избавить всех граждан от телесного рабства и даровать им как можно больше времени для духовной свободы и просвещения. Ибо в этом... заключается счастье жизни» [2, с. 190].

Итак, общий вывод на основе проведенного выше анализа заключается в том, что гендерная картина мира в «Утопии» в целом не уступает общему уровню гуманистических и конструктивных представлений Т. Мора, и нет достаточных оснований в квалификации ее в качестве патриархальной и традиционалистской.

Библиографический список

1. Великие мыслители Запада. М., 1999. С. 205-212.
2. Мор Т. Утопия. М., 1978. С. 49.
3. Осинский И.Н. Томас Мор. М., 1985. С. 97.
4. Он же. Томас Мор и его «Утопия» // Мор Т. Утопия. М., 1978. С. 53, 54.